

Кубатура. —
2003. — 16-22
АНВ. — С. 11

Его знали ТОЛЬКО В ЛИЦО

Сергей Гармаш от бешеной популярности не страдает

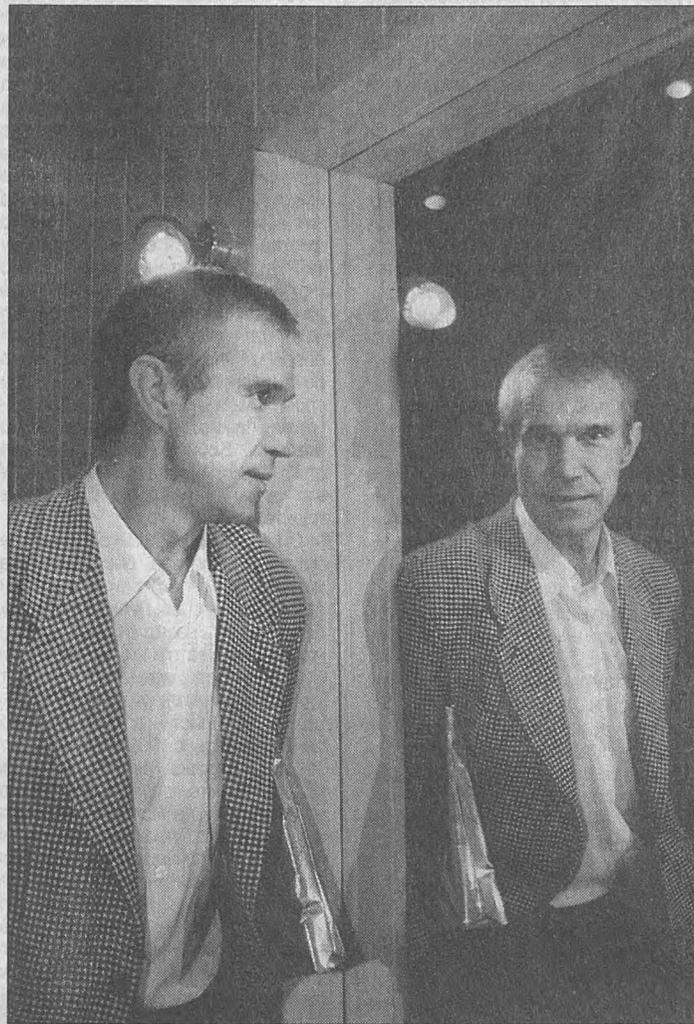
Он медленно запрягал и ехал не быстро. Все-таки постоял к славе в очереди. Обладая, заметьте, большим талантом и несомненными качествами "настоящего мужика", довольно редкими в современном кино и театре. Он и в жизни ведет себя как-то очень по-мужски, без понтов. Страшно немногословен, философовствовать и пускать пыль в глаза не умеет. Может, поэтому и неинтересен светской хронике. Слишком у Гармаша все понятно: когда голоден, зол, когда говорит о дочери, кажется абсолютно счастливым, крови на телеэкране не признает, считает, что в этом деле цензура бы нам не помешала. По ТВ смотрит новости (значит, скупной), передачи "Ишу тебя" (значит, сентиментальный), "Свою игру" (неужели интеллектуальный?), путешествия Кусто (ишь, любознательный). Всегда больше любят "героев-любвников" и "неврастеников". А Гармаш... прост, как правда. Думаю, что и по этой причине профессиональные премии (а он номинируется регулярно) обгибают его с непонятным упрямством. Перестройка, перевернувшая многие наши представления о жизни (в том числе и о герое искусства), сначала потребовала на авансцену других персонажей — "мужчин с пластикой текучих водорослей", как писали о "Служанках". Гармаш тут не годился. Пришлось ждать. А "в ожидании" много работать, то есть пахать. В свои сорок с небольшим он сыграл больше 50 киноролей, около 20 ролей в театре. В последние годы, считай, нарасхват.

В истории этого украинского "хлопчика", ставшего кинозвездой детективов, мало детективного. Хотя есть неожиданные повороты сюжета, как есть и неопровержимые улики того, что случилось то, что должно было случиться. Его брат и родители (папа — бывший директор автобазы, мама — диспетчер автобусной станции), кстати, познакомившиеся в художественной самодеятельности, живут в Херсоне. Он каждое лето ездит туда отдыхать, а всю зиму в Москве тоскует по солнцу и югу: к холодам так и не привык. В школе довольно серьезно занимался парусным спортом, даже собирался в моряки. Однако точных наук не любил и железной дисциплиной не отличался. В 8-м классе вдруг обмолвился, что не прочь бы

поступить в театральное. Пока ездил на спортивные сборы, мама отвезла его документы в Днепропетровское театральное училище. В 15 лет он туда поступил. Десять месяцев даже проработал в Херсонском театре кукол. Потом служил в армии. Московская Школа-студия МХАТа и мастерская Ивана Тарханова стали, таким образом, не просто романтической прихотью подростка, а осмысленным выбором.

Первой раскусила этого простофилю Галина Волчек, женщина с отменным вкусом и режиссер с большим опытом. Сразу после окончания Школы-студии МХАТа, в 1984 году, она взяла Гармаша в Современник. Видимо, безошибочным чутьем угадала в нем то, что отличает талантливого человека от всех прочих, — некое загадочное противоречие видимости и сущности. Гармаш может абсолютно точно срисовать с современной жизни какого-нибудь пьянчужку из глубинки: грубого, хамоватого, в голубой майке и вытянутых "трениках" — как его Михаил в спектакле "Мурлин Мурло". А может столь же абсолютно перевоплотиться в новоявленного миллионера, сына крепостного мужика Ермолая Лопухина из "Вишневого сада", — целю века с тонкими, нежными пальцами, как у артиста, и тонкой, нежной душой, что особо отмечено Чеховым. Гармаш может гомерически смешно играть в фарсе — и задевать зрителя трагедией Достоевского: быть идиотом Министром в "Голом короле" Л.Филатова и Дмитрием Карамазовым в спектакле "Карамазовы и ад". Для поклонников, привыкших идентифицировать Гармаша с его немудреными и даже простоватыми киногероями, наверняка прозвучат неожиданностью его слова: "Если актер хотя бы раз в месяц произносит со сцены слова Островского или Чехова, он уже не пропадет — это ж такой витамин!" Все-таки неслучайно одним из самых сильных театральных впечатлений его детства стала игра Аллы Тарасовой в "Без вины виноватых".

Первым назвал Гармаша очень большим артистом режиссер Алексей Симонов. С его фильма "Отряд" и началась киносериальная биография актера. Его солдат Иван Урин чем-то неуловимо напоминал другого солдатака из советских киновремен — Ивана Бровкина: простой рабочий парень,

С. Гармаш

смешной, нелепый, косноязычный, которому в обстоятельствах, приближенных к боевым (отряд выбирается из окружения в первые дни войны), ничего не остается, как стать героем. Рассказ Симонова о первой встрече с Гармашом дорогого стоит. Режиссер увидел его еще в Школе, в дипломных спектаклях, в двух возрастных ролях. Долго не мог разглядеть лица этого "актера-невидимки": в одном случае оно было неузнаваемо состарено бородой, в другом — глаза прикрыты шапкой. Но, даже не рассмотрев молодого актера, режиссер решил, что тот бу-

дет у него сниматься, потому что "в этих ролях, где его почти не было видно, из него перла поразительная достоверность... Сергей фантастически органичен. Он органично нервен, органично истеричен, органично величествен".

Вот, собственно, и весь его секрет, главное качество таланта, раскрытое в трех словах — "достоверность", "органика", "перла". Эти же слова объясняют и длинный путь к славе. Игра Гармаша не рассчитана на внешний эффект, не бьет по нервам. Его герои будто списаны с натуры, такие встречаются на каждом

шагу. Простому зрителю наверняка даже кажется, что Гармаш и не играет вовсе. Зрителю невдомек, что подобная естественность реакций в искусстве, способность жить в вымышленных обстоятельствах, как в реальных, — это и есть высший пилотаж актерской профессии, о котором мечтал Станиславский. Скорее всего, именно поэтому сначала оценили Гармаша по достоинству киноманики, а уж потом зрители. Мне, например, было ужасно приятно, что Питер Гринуэй, приехав в Москву отбирать русских актеров в свой проект, одним из немногих отметил именно Гармаша.

Такие, как Гармаш, уже не могут провалить роль, играют хорошо даже в сереньких фильмах. Буйная природа актера прет наружу, как иугомимая вулканическая лава. И, вроде бы совсем не меняясь внешне, он всякий раз удивляет тем, что играет другой характер. А в кадре раскрывается так же естественно и несуетливо, как у себя дома. Он научился потрясающе молчать на экране. Знаменитый режиссер Леонид Варпаховский (уж у него-то было нюх на артистов) говорил, что по молчанию актера и измеряется его талант. В исполнении Гармаша одинаково органичны и узнаваемы все — и "дрянь хорошая", и "дрянь плохая", и уголовный авторитет, и мент, и примитивный жлоб, и закомглексованный интеллигент. Не развалились советское кино, играть бы ему социальных героев. Но сегодня социальные кино не в моде, а подобные качества потребовались для героев иных жанров, и Гармаш, как настоящий профессионал, легко освоил триллер и детектив. Однако и в этих популярных жанрах не бывает примитивных. Многие актеры, часто снимающиеся в сериалах, оправдывают свои неудачи тем, что кино, поставленное на поток и ориентированное на кассу, не может быть качественным. Гармаш помалкивает. И даже в сериале "Каменская", сделавшем его знаменитым гораздо больше, чем по-настоящему крупная работа у Вадима Абдрашитова в фильме "Время танцора", не позволяет себе приблизительности. Его старший оперуполномоченный майор Коротков не так много задействован в сюжете. В фильме Юрия Мороза он, что называется, на подхвате. Но без него впечатление бы-

ло бы неполным. Каждое появление Гармаша в картине заставляет мысленно рвануть ему навстречу — и персонажам фильма, и зрителю. "Жизнь" актера в этой картине непрерывна, о прошлом и будущем его героя можно фантазировать нескончаемо. Так и кажется, что, покинув кадр, он продолжает нести свою вахту — выезжать на дело, сетовать на разгильдяйство коллег, иронизировать над начальством, развивать свои "неуставные отношения" с бабами, женой и любовницей, дорожить нежной дружбой Насти Каменской, препираться с юной дочерью, которая его поучает. Так же обстоит дело и с другими его героями в сериалах "Закон", "По ту сторону волков", где у Гармаша эпизодические роли, и в "Последнем свидетеле", "Механической ските", "Поклоннике", "Любовнике", где у него главные роли. (Отчего это именно к герою Гармаша в фильме Тодоровского уходит женщина от героя-красавца Олега Янковского — не задумывались?)

В истории русского искусства было немало знаменитых романтических актеров, актеров-неврастеников, резонеров, были и замечательные комики. Сергей Гармаш из породы иных артистов — настоящих мужиков Василия Шукшина, Георгия Буркова, Михаила Ульянова. Есть в нем и что-то от легендарных Петра Алейникова и Николая Крючкова. Отсутствие позы. Простодушная улыбка. Намек на нежную душу. Мужское великодушие, надежность. И та самая органика, которая позволяет актеру в каждой роли "не играть", оставаясь в представлении зрителя человеком из жизни. В России его наконец стали узнавать, что называется, не только в лицо, но и по фамилии. Хотя: "Я от бешеной популярности точно не страдаю", — говорит Гармаш и сейчас. О первой в своей жизни награде (приз "Кинотавра" за роль второго плана в "Ворошиловском стрелке") он узнал случайно, по радио. Поезд увозил его в этот момент в родной Херсон: на фестиваль актера не пригласили. Сегодня поезд уносит его в другую сторону. Однако пришло его время.

Наталья КАЗЬМИНА
Фото
Ларисы КАМЫШЕВОЙ